

Андрей ШАЦКОВ

Андрей Шацков родился в 1952 году в Москве.

Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век».

За поэтическое творчество был награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом преподобного Сергия Радонежского и многими знаками литературного отличия МГО СП России. Лауреат Правительства Российской Федерации в области культуры.

Долгие годы работал референтом министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Проживает в Москве и в Рузе.

В миг пострига

(Монолог отца юного Дмитрия Донского)

Кому и сколько остается днесь?
Опять ветра заводят перебранку,
Принесшие с востока злую весть
И с запада — гнилую лихоманку.

Я думаю: «Чудны твои дела,
Господь,
 пославший эту завируху».
Но мы дружиной сядем у стола
И ножиком источенным краюху

Развалим,
 сыну в детскую ладонь
Нацедим сыть, чтоб пил единым махом.
Расти, сынок, души не охолонь,
Не опогань ее пустяшным страхом.

Полóвую не чти отца завет:
В тиши степей опарой зреет время,
Когда затмит стрелáми белый свет
И ты с порога вденешь ногу в стремя!

Когда приходят поры осени,
В соитье губ сладка предзимья горечь...
Каким ты станешь в эти годы, сын,
И вспомнишь ли о нашем уговоре?

Не позабыв о тяжести вериг
Очелья Мономахова убора...
Как гулок голос княжеской крови
В миг пострига, средь суетного хора!

Сон о литии

Растет снеговая короста.
Промерзла на сажени твердь.
Глазам воспаленным не просто
Глядеть в ледящую смерть...

Наверное, скоро не будет
Ни ночи, ни белого дня.
И Бог беспристрастно рассудит,
Но все ж не оставит меня.

И я полечу над лугами
В сиреневый неба прогал,
Навстречу к ушедшим и к маме —
Чьи руки в гробу целовал.

И тихо рассеется дымка
Печали прощальных минут.
И может быть, Ромка и Димка
Собравшись, отца помянут.

И молча закроют без стука
В бессмертье отверстую дверь.
И жаль — нерожденного внука
Обнять не придется теперь.

И знать: изведется твой корень,
Иль мощным побегом взойдет?
Я стану — хранителем в горе,
Заступником горним — за род!

И видеться будет свысо́ка,
Сквозь марево мίνувших дней:
Усталые вои Боброка
Купают в Непрядве коней!

Ночная сторо́жа

*Памяти старшего сына Дмитрия
(10 марта 1980 года — 21 июня 2016 года)
с горечью посвящает автор*

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждешь?
В пойме реки-Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
«Отче, позволь полсотни
Прапором осенить?»

Да не поглотит темень
Нами зажженный трут.
Семка, Игнатий Кремень,
Гридя — не подведут!»

«Сыне, тебе не приспело
С воями в пекло лезть.
Скажет Боброк: Не дело!
Скажет Бренок: Не в честь!..»

Взгляд его светлый — строже
Сделался и синей.
«В первой пойду стороже!
Лучших возьму коней!»

Ах, как кричали птицы,
В смутной поре ночной.
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро.
Бликами на пески...
Княжича русы кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем —
Смертным грехом отца.

Души летят, как кряквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!!

30 июля 2016 г. Сороковины

* * *

Он летнею ночью уснул навсегда,
Бессонница где-то отстала...
Я видел, как в небе погасла звезда,
Упав на его одеяло.

И минуло лето, и клин в облака,
Навечно, с землею в разлуке
Поднялся,
я видел крыла вожака,
Я знал эти сильные руки.

Когда в колеях заблестел гололед
И вьюги ложились на плечи,
Мне ведомо было, что он не придет
Ко мне обогреться под вечер.

А ранней весной накрыло леса
Прибоем цветов-первоцветов.
Я в них отыскал голубые глаза.
Прощенья просил и ответа.

Но мне не ответило небо — за что
Случилась отцовская мука,
И смертным бывает любви колдовство,
И вечной бывает разлука.

Сыну

«Он умер, как ангел, во сне...»,
Но ангелы не умирают!
Они прилетят по весне
И сядут по самому краю

На крыше отцовской,
и весть
Благую, в начале апреля,
Промолвят —
Спасение есть!
И кончится эта неделя

Великой субботой Страстной...
И сын мой, в прохладе весенней,
Как аист, над чащей лесной
Закружится в День Воскресенья.

И многие ночи подряд
 Во снах —
 из обители Горней
 Три аиста в небе летят —
 Два белых и пепельно-черный.

Орудия, к бою!

Марш «Варяга»

*Памяти моей бабушки З. В. Рудневой,
 прабабушки сына Димитрия,
 упокоенных на Ваганьковском кладбище*

Над бухтой встает желтолицее солнце.
 Дымится на рейде эскадра Японца.
 Но в церкви на юте канон сотворив,
 «Варяг» и «Кореец» идут на прорыв!

А где-то в России, в снегах молчаливых
 Тоскуют березы на волжских обрывах.
 И матери снова не спят до утра.
 Им письма несут штормовые ветра.

Орудия, к бою! Орудия, к бою!
 Грохочет шрапнель над матросской судьбою.
 Но выше нее, в корабельных снастях
 Трепещет, как чайка, Андреевский стяг!

Остались в тумане окрестные сопки.
 Протяжно гудят раскаленные топки.
 И в небе режут канонады грома,
 И низко к волне накренилась корма.

Огнем запылали морские пучины.
 В горящих сердцах не осталось кручины.
 От мичмана с юнгой — до высших чинов,
 Запомнит Россия отважных сынов.

Живые шагают по Невскому маршем.
 Пусть вечная память останется павшим.
 На воду ложатся кругами — венки,
 В шеренги на баках встают моряки.

От Желтого моря до берега Крыма,
 Плывут бескозырки среди черного дыма.
 И грозным салютом гремят крейсера,
 И следом несется — морское УРА!!!